

Его расторгшимъ узы смерти, то познали, что Онъ находится „въ Отцѣ“, именно какъ любимый Имъ, а потому и возставшій изъ мертвыхъ. Поэтому и Онъ въ насъ и мы въ Немъ, по тому же самому основанію любви.

Но мы на это отвѣтимъ такъ:

Возраженіе ваше пустословно, совсѣмъ безразсудно и высказывается гнилыми словами. Впрочемъ обратите, любезнѣйшіе, вниманіе на то, что послѣ воскресенія (Христа) намъ не было нужды узнать то, что мы истинно уразумѣли прежде воскресенія Его изъ мертвыхъ. Вѣдь если мы несовершенно увѣровали, что Сынъ имѣетъ любовь къ Себѣ у Своего Отца и Самъ любитъ Отца, то дѣйствительно надлежало ожидать воскресенія, чтобы съ того времени мы имѣли совершенство знанія. Если же достовѣренъ Отецъ, и прежде еще воскресенія говорящій: „Онъ есть Сынъ Мой возлюбленный“ (Матѣ. 3, 17),—истину говоритъ также и Самъ Спаситель: „Отецъ любитъ Сына“ (Іоан. 3, 35),—любовь же должна мыслиться надлежащимъ образомъ во всемъ совершенною (Кол. 3, 14): то зачѣмъ утруждаете нашъ слухъ своею болтовнею? Зачѣмъ, отвергая красоту истины, выдумываете намъ безобразную ложь, отторгаете отъ сущности Отца (рожденнаго) изъ Него и чрезъ Него Сына, придумываете весьма гнилыя слова и измышляете хитросплетенія нелѣпыхъ умозаключеній? Вѣдь всякому, желающему вникать въ самую природу истины, вполне доступно и легко видѣть, что возлюбилъ насъ Единородный и мы возлюбили Его. И дѣйствительно, будучи въ образѣ Бога и Отца, „не хищеніемъ почелъ быть равнымъ Богу, но Себя унижилъ, образъ раба принявъ“ (Филип. 2, 6—7). Какая же, скажи мнѣ, причина такого униженія? Не любовь ли къ намъ? И

развѣ можно сомнѣваться въ этомъ? А наше желаніе и готовность отдавать за Христа гонителямъ и самую душу, чтобы только не отречься намъ отъ Господа своего, развѣ не представляетъ яснаго доказательства любви къ Нему? Но каждый или признаетъ истиннымъ и это, или долженъ обвинять святыхъ мучениковъ, какъ безъ всякой пользы подвизавшихся за Христа и даромъ подвергавшихся столь великой опасности. Итакъ, если съ полною ясностію показано, что Отецъ имѣетъ къ Сыну совершеннѣйшую любовь, равнымъ образомъ и Самъ любитъ Отца, какъ и мы Его и Онъ насъ,—то какое же основаніе будетъ имѣть мысль, что познаніе объ этомъ можетъ относиться къ другимъ временамъ, когда Господь говоритъ: „въ тотъ день уразумѣете, что Я въ Отцѣ, и вы во Мнѣ, и Я въ васъ“?

Но да сгинетъ болтовня ихъ и измышленіе богоненавистныхъ разсужденій. Мы же, полагаясь на просвѣщеніе Святаго Духа, не замедлимъ сказать, что показалось намъ правильнымъ для объясненія толкуемыхъ словъ.

Итакъ, сказавъ сначала: „что Я и вы будете жить“ (ст. 19), тотчасъ оказывается присоединившимъ къ этому: „въ тотъ день уразумѣете, что Я въ Отцѣ Моемъ и вы во Мнѣ и Я въ васъ“. Но кому изъ существующихъ (людей) и привыкшихъ правильно мыслить не будетъ совершенно ясно, что „днемъ“ опредѣляетъ время познанія объ этомъ, въ которое и мы сами, преобразуемые соотвѣтственно Ему, взойдемъ въ жизнь вѣчную и избѣжимъ проклятія смерти? И что на это именно, какъ мнѣ кажется, указываетъ Христось, объ этомъ говоритъ одинъ апостоль,—разумѣю Павла,—когда, открывая намъ божественную тайну, пишетъ въ одномъ посланіи: „ибо вы умерли, и жизнь ваша

скрыта со Христомъ въ Богѣ,—когда же Христосъ явится, жизнь ваша, тогда и вы явитесь съ Нимъ въ славѣ“ (Колос. 3, 3—4). Это потому, что Онъ преобразить тѣло униженія нашего,—именно это безъ сомнѣнія, а не другое,—въ сообразное славѣ Его и измѣнить (его) неизреченною силою въ изначальную природу человѣка, превращая легко все, во что воохочетъ, безъ всякаго препятствія. Ибо Онъ есть Богъ истинный, „творящій все и перемѣняющій“ (Амос. 5. 8), по написанному. Слѣдовательно въ „тотъ день“ или время, когда и вы сами „жить будете“, ибо „живу“ Я, хотя и ставъ подобнымъ вамъ человѣкомъ и облекшись тѣломъ, подверженнымъ по собственной природѣ тлѣнью,—ясно „уразумѣете“, говоритъ, „что Я въ Отцѣ, вы же во Мнѣ, и Я въ васъ“. Мы должны принять, что Господь говоритъ это къ намъ для того, чтобы мы не думали, что Онъ существуетъ въ Отцѣ только по отношенію любви, какъ казалось (должнымъ) разсуждать противникамъ, но по смыслу глубокой тайны, которую и уразумѣть трудно и высказать не легко. Впрочемъ, насколько буду въ состояніи, попытаюсь разъяснить.

Хотя точное изложеніе этого, какъ предполагаю, и весьма превышаетъ всякій умъ обитателей земли, но, побуждаемые огнемъ любви, хотя бы и въ малой мѣрѣ, уразумѣть и высказать это, теперь разсмотрю цѣль воплощенія Единороднаго. Итакъ, изслѣдуемъ причину, по которой Онъ, будучи въ образѣ Бога и Отца какъ Богъ, „не хищеніемъ счелъ быть равнымъ Богу, но Себя унижилъ, образъ раба принявъ (Филип. 2, 6—7),—и претерпѣлъ крестъ, позоръ пренебрегши“ (Евр. 12, 2). Въ такомъ случаѣ хотя немного, въ доступной намъ мѣрѣ, будетъ понятна глубина даннаго предмета. Постараясь же уразумѣть,

какъ Сынъ находится въ Отцѣ,—очевидно по природѣ, а не по придуманному противниками какому то отношенію къ тому, что Онъ любитъ и любимъ,—и мы опять съ своей стороны въ Немъ равнымъ же образомъ, и Онъ въ насъ. Поэтому премудрый Павелъ, раскрывая намъ единую какъ бы истинную и общую причину вочеловѣченія Единороднаго, сказалъ: ибо возблаговолилъ Богъ и Отецъ „возглавить все во Христѣ“ (Ефес. 1, 10), причемъ терминъ и понятіе возглавленія означаетъ возведеніе опять и возвращеніе въ изначальное состояніе—того, что уклонилось къ иной цѣли. Потомъ, желая уяснить намъ образы возглавленія въ частностяхъ, въ одномъ случаѣ сказалъ: „по (при) немощности закона, поскольку онъ обезсиливался посредствомъ плоти, Богъ, Своего Сына пославъ въ подобіи плоти грѣха и за грѣхъ, осудилъ грѣхъ во плоти, дабы оправданіе (отъ) закона исполнилось въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по духу“ (Римл. 8, 3—4),—и въ другомъ опять: „такъ какъ дѣти приобщились плоти и крови, посему и Самъ подобно же воспринялъ тѣ же (плоть и кровь), да чрезъ смерть упразднить имѣющаго державу смерти, то есть діавола, и освободить тѣхъ, кои страхомъ смерти во всю жизнь повинны были рабству“ (Евр. 2, 14—15). Вотъ эти два образа возглавленія (возстановленія), необходимо заключающія дѣло вочеловѣченія Единороднаго, изъяснилъ намъ Павелъ. А образъ кромѣ того, объемлющій оба (вышеуказанные), изъясняетъ премудрый Евангелистъ Іоаннъ, когда пишетъ о Христѣ такъ: „въ Свое пришелъ, и Свои Его не приняли, а (всѣ) кои приняли Его, далъ имъ власть чадами Божиими стать, вѣрующимъ во имя Его,—кои не отъ кровей, не отъ желанія плоти, не отъ желанія мужа, но отъ Бога ро-

дились“ (Іоан. 1, 11—15). Очевидно такимъ образомъ и, думаю, для всѣхъ ясно, что по этимъ преимущественно причинамъ Единородный, будучи Богомъ и отъ Бога по природѣ, сталъ человѣкомъ, очевидно для того, чтобы осудить грѣхъ во плоти, умертвить смерть Своею собственною смертью и явить насъ сынами Божиими, находящихся на землѣ возродивъ въ Духъ въ превышающее ихъ природу достоинство. Вотъ такимъ то именно образомъ безъ сомнѣнія и можно было вполне возглавить опять и возстановить въ изначальное состояніе падшей родъ, то есть человѣческой.

Снова подвергнувъ обсужденію каждую изъ только что сказанныхъ нами причинъ, станемъ говорить о нихъ то, что имъ соотвѣтствуетъ. И именно должно изслѣдовать, какъ надо понимать, что „осудилъ грѣхъ во плоти Богъ и Отецъ, пославъ Своего Сына въ подобіи плоти грѣха“. Вѣдь Истиннаго Бога по природѣ, явившагося изъ сущности Его (Бога) и природно обладающаго неизмѣнностью свойства Его, а потому и всецѣло не могшаго впасть въ грѣхъ или уклониться въ неправоту,—Онъ (Богъ и Отецъ) заставилъ добровольно низойти въ приразившійся плоти грѣхъ, чтобы, содѣлавъ ее собственной плотью, превратить въ Свое собственное природное свойство, то есть не грѣшить. И въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ конечно, правильно мысля, допускать, что Единородный сталъ человѣкомъ съ цѣлью устроить это для одного только собственного Своего храма (тѣла). Гдѣ же въ такомъ случаѣ окажется великолѣпіе и польза Его пришествія къ намъ, если Онъ спасъ одно только Свое тѣло? Напротивъ, мы вѣруемъ, что Единородный сталъ подобнымъ намъ съ тою цѣлью, чтобы чрезъ Себя и въ Себѣ первомъ, какъ въ началѣ человѣчества, приобрѣсти блага для всей при-

роды (человѣческой). Какъ не смерти только, но всеѣмъ страданіямъ плоти мы послѣдовали, подвергшись этому въ первомъ человѣкѣ, по причинѣ преступленія и божественной клятвы: такимъ же, думаю, образомъ мы все должны послѣдовать и Христу, многообразно спасающему и освящающему природу плоти въ Себѣ. Посему и Павелъ сказалъ: „и какъ мы понесли образъ перстнаго, понесемъ и образъ Небеснаго“ (1 Кор. 15, 49). Образъ перстнаго, то есть Адама—быть въ страстяхъ и тлѣннѣи, а образъ Небеснаго, то есть Христа—быть въ безстрастіи и нетлѣннѣи. Итакъ Слово, будучи Богомъ по природѣ, осудило грѣхъ въ Своей плоти, повелѣвъ ей бездѣйствовать и заставивъ направляться къ богоугодному, а не къ собственному уже пожеланію, и такимъ образомъ тѣло, бывшее душевнымъ, преобразило въ духовное.

Это—одинъ образъ возглавленія (возстановленія). Но послѣ него долженъ вступить и другой, особенно нужный и созерцанію даннаго предмета полезный. Предлежать будетъ рѣчь именно о вѣчной жизни и умервщленіи смерти, и о томъ, какъ Единородный удалилъ отъ человѣческой природы тлѣннѣе, явившееся вслѣдствіе преступленія. Итакъ, „такъ какъ дѣти пріобщились плоти и крови, то и Онъ подобно же воспріялъ ихъ же“ (Евр. 2, 14), чтобы умертвить смерть и чтобы Создавшій все къ нетлѣннѣи и спасительными явившій бытія міра, по написанному (Прем. 1, 14), превратилъ опять образъ вещей въ изначальное состояніе,

И хотя гораздо подробнѣе, чѣмъ сколько нужно, однакожь необходимо должна намъ предстоять опять рѣчь, раскрывающая наше первоначальное состояніе. Желаніе правильно охватить предметъ умозрѣннѣи, думаю, освободить совершенно отъ порока лѣности.

Итакъ, это разумное на землѣ животное, разумѣю челоуѣка, сотворено въ началѣ „по образу Создавшаго“, по писаніямъ (Кол. 3, 10). Но образъ различенъ, ибо образъ бываетъ не въ одномъ, а во многихъ отношеніяхъ. Но самая главная изъ прочихъ всѣхъ сторона сходства съ сотворившимъ Богомъ—безсмертіе и нетлѣніе. Но, думаю, это животное само по себѣ никогда не было въ состояніи и не могло быть такимъ, по свойству своей природы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ тотъ, кто отъ земли, могъ бы оказаться имѣющимъ достоинство нетлѣнія въ своей природѣ, если бы, по подобію другихъ благъ, и это не получилъ отъ безсмертнаго по природѣ и нетлѣннаго Бога и всегда неизмѣннаго? Ибо что имѣешь, чего не получилъ?“ (1 Кор. 4, 7), весьма умѣстно и истинно говоритъ намъ въ одномъ мѣстѣ божественный Павелъ. Итакъ, чтобы приведенное изъ небытія въ бытіе, возвратившись къ своему началу, снова не обратилось въ ничто, но оставалось непрестанно,—ибо такова была цѣль Творца,—Богъ дѣлаетъ его (челоуѣка) причастникомъ своей собственной правды, ибо „вдунулъ въ лице его дыханіе жизни“ (Быт. 2, 7), то есть Духъ Сына, такъ какъ Онъ есть жизнь съ Отцомъ, содержитъ все къ бытію. Вѣдь въ Немъ движется и живетъ (все) способное къ жизни, по слову Павла (Дѣян. 17, 28).

Однакожъ никто при этомъ да не обвиняетъ насъ въ ложномъ ученіи, подумавъ, будто, по нашему утвержденію, божественное вдохновеніе стало душею для животнаго. Не говоримъ этого, направляемые къ истинѣ предмета такимъ рассужденіемъ. Вѣдь если нѣкоторые думаютъ, что божественное вдохновеніе стало душею, пусть отвѣтятъ намъ: уклонилось ли оно нѣкогда отъ своей природы и обращалось въ

душу, или осталось тожественнымъ самому себѣ? И если скажутъ, что измѣнилось и преступило законъ своей природы, то окажутся богохульниками, ибо должны будутъ непремѣнно утверждать, что измѣнчива неизмѣнная и всегда одинаковою пребывающая природа (Бога). Если же происшедшее отъ Бога вдохновеніе Его отнюдь не измѣнилось, но осталось тѣмъ, чѣмъ было всегда, то какъ уклонилось ко грѣху и стало способнымъ къ такому разнообразію страстей? Не скажутъ конечно, что для божественной природы возможенъ грѣхъ.

Но чтобы, употребляя здѣсь длинныя доказательства, не опустить потребнаго для нашего предмета разсужденія, нахожу нужнымъ снова повторить вотъ что: ни одинъ благомыслящій, какъ полагаю, не признаетъ, чтобы изъ божественной сущности произшедшее вдохновеніе сдѣлалось душою для животнаго. напротивъ—одушевленному уже и до свойства совершенной природы доведенному чрезъ ту и другое, разумѣю душу и тѣло, Творецъ какъ нѣкую печать Своей природы внѣдрилъ Святаго Духа, то есть „дыханіе жизни“, чрезъ которое онъ образованъ былъ по первообразной красотѣ и сотворенъ по образу Создателя, направляемый силою живущаго въ немъ Духа ко всякому виду добродѣтели. Но такъ какъ онъ (человѣкъ), обладая самопроизволеніемъ и надѣленный властью надъ своими желаніями,—вѣдь и это есть часть образа, ибо Богъ властвуетъ надъ Своими желаніями,—измѣнился и палъ,—а какъ это было, пусть научить божественное писаніе, ибо ясная въ немъ есть объ этомъ рѣчь,—то Богъ и Отецъ восхотѣлъ и предпринялъ возстановить опять человѣческую природу въ первоначальное состояніе и, восхотѣвъ, совершилъ.

Какъ это было, слѣдуетъ узнать. Человѣку съ тлѣнной природой невозможно было избѣжать смерти иначе, какъ такимъ образомъ, чтобы онъ снова получилъ ту изначальную благодать и опять сталъ причастникомъ Бога, все содержащаго и животворящаго къ бытію, чрезъ Сына въ Духъ. Поэтому приобщилось плоти и крови, то есть стало человѣкомъ, будучи жизнью по природѣ и рожденное отъ жизни по природѣ, то есть отъ Бога и Отца. Единородное Его Слово, чтобы, неизреченно и несказанно и какъ Само только Оно знало, соотвѣтственно Своей природѣ, объединивъ Себя съ тлѣнною плотью, возвести ее въ собственную Его жизнь и явить чрезъ Себя причастною Богу и Отцу. Вѣдь Онъ есть посредникъ Бога и людей, по написанному (1 Тим. 2, 5), будучи соединенъ съ Богомъ и Отцомъ природно, какъ Богъ и отъ Него (рожденный), а съ людьми опять какъ человѣкъ и какъ имѣющій въ Себѣ Отца и Самъ будучи въ Отцѣ. Онъ есть начертаніе и отблескъ ипостаси Его (Евр. 1, 3), будучи не отдѣлимъ отъ той сущности, коей есть Онъ начертаніе и изъ коей происходитъ, какъ отблескъ, но и Самъ находясь въ ней и ее имѣя въ Себѣ. Но также и насъ имѣетъ въ Себѣ, поскольку принялъ природу нашу и наше тѣло содѣлалъ тѣломъ Слова, ибо „плотью стало Слово“, по слову Іоанна (1, 14). И Онъ усвоилъ нашу природу, преобразуя ее въ Свою собственную жизнь. И Онъ находится въ насъ, ибо всѣ мы стали причастниками Его и имѣемъ Его въ себѣ чрезъ Духа. По этому же мы стали и общниками божественной природы и сынами называемся, такимъ образомъ имѣя въ себѣ и Самаго Отца чрезъ Сына. Объ этомъ засвидѣтельствуемъ Павелъ въ словахъ: „а какъ вы—сыны, то послалъ Богъ Духъ Сына Своего въ

сердца ваши, взывающий: Авва, Отецъ“ (Гал. 4, 6), ибо не есть что либо другое отдѣльное отъ Сына Духъ Его, говорю конечно по отношенію къ природному тождеству.

Давъ напередъ мѣсто этому нашему разсужденію объ этихъ предметахъ, теперь обратимся къ изясненію смысла приведенныхъ словъ Господа и примѣнимъ къ нимъ сдѣланныя замѣчанія: „*въ тотъ день уразумѣете*, говоритъ, *что Я въ Отца, и вы во Мнѣ, и Я въ васъ*“

Я живу, сказалъ Онъ (ст. 19), ибо Я—жизнь по природѣ и живымъ явилъ храмъ (тѣло) Свой! Но когда и вы сами, хотя и имѣющіе тлѣнную природу, увидите живыми себя самихъ по подобію со Мною, тогда вотъ и *уразумѣете*, и очень ясно, что Я, будучи жизнью по природѣ, соединилъ васъ чрезъ Себя съ Самимъ Богомъ и Отцомъ, Который есть также жизнь по природѣ, содѣлывая васъ общниками какъ бы и причастниками нетлѣнія Его. Вѣдь Я природно (нахожусь) въ Отцѣ, ибо Я—плодъ сущности Его и подлинное порожденіе, существуя и являсь изъ нея какъ жизнь отъ жизни. *Вы же во Мнѣ, и Я въ васъ*, поскольку явился человѣкомъ Я и показалъ васъ общниками божественной природы, вселивъ въ васъ Духа Моего. Въ насъ пребываетъ Христосъ чрезъ Духа, преобразуя въ нетлѣніе подверженное тлѣнію и превращая изъ смертнаго состоянія въ противоположное. Поэтому и Павелъ говоритъ, что „Воздвигшій Иисуса Христа изъ мертвыхъ оживотворить и смертныя тѣла ваши, чрезъ обитающаго Его (Самого или Своего) Духа въ васъ“ (Рим. 8, 11). Вѣдь если и происходитъ отъ Отца Духъ Святый, но приходитъ чрезъ Сына и есть Его собственный, ибо все чрезъ Сына отъ Отца. Что мы чрезъ Духа преобразованы

въ жизнь вѣчную, это засвидѣтельствуетъ намъ божественный псалмопѣвецъ, взывающій къ Богу всяческихъ: „когда же Ты отверзешь Свою руку, все исполнится благодати,—а когда отвратишь Свое лицо, смятутся,—отнимешь духъ ихъ (Духа у нихъ) и исчезнутъ, и въ персть свою обратятся,—пошлешь Духа Своего, и создадутся и обновишь лице земли“ (Псал. 103, 28—30). Слышишь, какъ преступленіе (бывшее) въ Адамѣ и какъ бы отклоненіе божественныхъ заповѣдей измѣнило намъ человѣческую природу и заставило ее возвратиться въ свою землю. Когда же послалъ Богъ Духа Своего и явилъ насъ причастниками Своей природы, и обновилось чрезъ Него лице земли, тогда мы преобразились въ обновленіе жизни, отбросивъ тлѣніе, вслѣдствіе грѣха явившагося, и получивъ опять вѣчную жизнь, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ Коего и съ Коимъ Богу и Отцу слава со Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

Г Л А В Ы.

содержащіяся въ десятой книгѣ:

I. О томъ, что Сынъ не менѣе Бога и Отца, напротивъ—равенъ и подобенъ (ὅμοιος) по природѣ Ему,—предметомъ служитъ изреченіе: „если любите Меня, радовались бы, что Я къ Отцу иду, потому что Отецъ болѣе Меня“ (Іоан. 14, 28).

II. О томъ, что единосущенъ (ὁμοούσιος) Богу и Отцу Сынъ, а не иноприроденъ и не инороденъ, по превратному ученію нѣкоторыхъ,—предметомъ служитъ изреченіе: „Я есмь лоза, въ-вѣтви, а Отецъ Мой земледѣлецъ“ (Іоан. 15, 1. 5).

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

XIV, 21. Имѣй заповѣди Моя и соблюдай я, той есть любяй Мя, а любяй Мя возлюбленъ будетъ отъ Отца Моего, и Азъ возлюблю его и явлюся ему ¹⁾.

Указуя на то, что преимущественно тогда будетъ яснѣйшее откровеніе таинства въ насъ, когда мы будемъ созерцать себя живыми по подобію съ Нимъ, говорить: живу я, живы будете и вы (ст. 19), въ чемъ умъ cadaго удостовѣряется уже не посредствомъ того, что онъ услышалъ и чему повѣрилъ только, но посредствомъ того, что онъ можетъ имѣть, уже получивъ исполненіе обѣтованія. Исполненіе словъ есть конечно самое сильное средство для убѣжденія и удостовѣренія. Но чтобы мы не думали, что наслажденіе столь славнымъ даромъ можетъ принадлежать всѣмъ безразлично, хотя бы нѣкоторые и не были добры и осіяны божественнымъ страхомъ, Онъ, тотчасъ же введши въ рѣчь лицо любящихъ Его, тѣмъ самымъ ясно показалъ, что не другимъ какимъ людямъ можно получить столь несравненную благодать, какъ только рѣшившимся проводить наилучшую жизнь. Таковы именно любящіе Его. Если Христосъ и воскреситъ тѣла всѣхъ людей, ибо воз-

¹⁾ Я древн. вм теи. ихъ Древн. тѣ Ал то. Древн и теи. Отцемъ Моимъ, но Ал отъ Отца Моего—точно Вм его тепер. въ др и. Всѣ прибавл. Самъ, но въ греч. нѣтъ

стануть добрые и злые, но не всё́мъ безразлично дано будетъ ожить къ славѣ и блаженству. Очевидно, одни, получивъ воскресеніе только для наказанія, будутъ имѣть жизнь горше всякой смерти, а „другіе, проводя въ блаженствѣ вѣчные годы, будутъ жить истинно превозделѣнною и святою жизнью. Что имѣющіе во время суда получить отъ Христа приговоръ о наказаніи останутся непричастными блаженной жизни, хотя и получатъ общее со святыми оживленіе, на это указываетъ въ словахъ: „вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную, а не повинующійся Сыну не узритъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ“ (Іоан. 3, 36). Замѣть, что хотя и всё́, какъ добрые такъ и злые, ожидаютъ воскресенія, однакожъ подлежащіе обвиненію въ непослушаніи отнюдь, говорить, не узрятъ жизни, безъ сомнѣнія называя жизнью не одно только воскресеніе, но со всею справедливостію именно воскресеніе въ упокоеніи и славѣ и блаженствѣ, конечно духовномъ, а не другомъ какомъ. Духовнымъ же образомъ блаженства является совершенное знаніе о Богѣ и точное откровеніе Христовыхъ тайнъ, являющее намъ не въ зеркалѣ опять и въ загадкѣ, какъ теперь, неясныя черты искомаго, но всецѣло ясное и свѣтлое въ насъ и дѣлающее вѣдѣніе совершеннѣйшимъ, „ибо что отчасти, упразднится“, по слову Павла (1 Кор. 13, 10).

Итакъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, научая насъ тому, что обѣтованіе о (будущемъ) откровеніи (славы) всего болѣе подобаешь и свойственно исполнителямъ Его божественныхъ наставленій, а не думающимъ и дѣлающимъ противное, весьма благополезно къ сказанному присоединилъ слова: „имѣющій заповѣди Мои и блюдуцій ихъ, сей есть любяцій Меня“. „Имѣетъ заповѣди“ тотъ, кто принялъ вѣру и посред-

ствомъ хорошей памяти внесъ въ свой умъ чистое и ясное наставленіе евангельскихъ заповѣдей, а также исполняетъ ихъ дѣятельно и старается отличать-ся славою своихъ дѣлъ. Итакъ, совершенъ и всецѣло преданъ благочестію отличающійся и вѣрою и дѣломъ, какъ засвидѣтельствованный въ святости, со-отвѣтствующей ученію Христа, ибо „при устахъ двоихъ или троихъ свидѣтелей должно стать всякое слово“, по написанному (2 Кор. 13, 1 изъ Второз. 19, 15). Такогого то справедливо возлюбитъ Богъ Отецъ, но нисколько не менѣе и Сынъ, ибо какъ единосущенъ Онъ, такъ и соволитель (*συνεθελητής*) Своему Родителю. При одной сущности одно конечно и желаніе и цѣль во всемъ одна и нѣтъ никакого разногласія или раздѣленія на различныя желанія.

И удостоившимся божественной любви Онъ обѣщается подать славную награду и увѣнчать ихъ превышающими слово дарами, ибо „явлю, говоритъ, ему *Самого Себя*“. Чистыя рѣчи о боговидѣніи будутъ у чистыхъ (людей), Христосъ сіяетъ между ними, очевидно чрезъ Своего Духа свѣтводя ихъ во всемъ нужномъ и неизреченными нѣкими свѣточами въ ихъ умахъ открывая Себя и являясь. А разъ приняшіе Его будутъ блаженны и ревностны къ Нему. Таковымъ, мнѣ кажется, пророкъ Давидъ говоритъ: „послушаю, что будетъ говорить во мнѣ Господь Богъ“ (Псал. 84, 9). Также и самъ божественный апостоль, пишущій намъ въ посланіи: „или доказательство требуетъ того, что во мнѣ говоритъ Христосъ“? (2 Кор. 13, 3). Вѣдь Онъ говоритъ въ святыхъ чрезъ Духа, открывая тайны какъ о Себѣ Самомъ такъ и кромѣ того другія. Поэтому то, точно уразумѣвъ ихъ, они говорятъ то: „намъ открылъ Богъ чрезъ Духа“ (1 Кор. 2, 10), то опять: „мы же

умъ Христовъ имѣемъ“ (ст. 16), называя умомъ Духъ Его.

XIV. 22. Глагола ему Иуда не Искариотскій: Господи, что бысть, яко намъ хоцещи явити ся, и не миру? ¹⁾.

По любви ученикъ выступаетъ съ вопросомъ, хотя и оказывается не точно понявшимъ рѣчь Спасителя. Господь нашъ Иисусъ Христосъ общаетъ святымъ нѣкое особенное знаніе и не подобное знанію другихъ всѣхъ людей. Причина та, что черты божественныхъ тайнъ въ людяхъ божественныхъ блистаютъ сильнѣе и гораздо свѣтлѣе, тогда какъ въ людяхъ, еще не достигшихъ до такой чистоты мыслей, чтобы быть въ состояніи ясно воспринять чрезъ даръ Духа вѣдѣніе привышающихъ разумъ предметовъ, знаніе проявляется въ простыхъ только разсужденіяхъ (умозаключеніяхъ) и состоитъ, можетъ быть, въ одномъ только вѣдѣніи того, что Христосъ есть Богъ и истинно Сынъ Бога по природѣ. Но хотя и замѣчается столь великое различіе между знаніемъ обыкновенныхъ людей и знаніемъ свойственнымъ святымъ, ученикъ не дѣлаетъ этого различія и обращается съ вопросомъ: почему Онъ общается открытъ Себя не всѣмъ жителямъ вселенной, а однимъ только святымъ. И въ своемъ восклицаніи: „что бысть“, кажется, желаетъ указать на нѣчто, подобное нижеслѣдующему. Цѣль, говорить, Твоего къ намъ пришествія, Владыко, не та конечно, чтобы нѣкоторыми людьми отдѣльно быть познаваемымъ, а другими нѣтъ. Вѣдь мы слышали у пророковъ, что „узрѣть всяка плоть спасеніе Бога“ (Ис. 40, 5), но также и

¹⁾ Греч D ἐστὶ ἐν γέγονεν. Ал. глет—явити Себе. Г Мар Н ся явити. Приб. и предъ что СГМО Ал согл. одн греч. но АЗ Мир. не чит. согл. др. греч и Ал всему міру ОЗАМ Мир Н безъ всему Сав. ГН Ал. Мир. но не предъ иск и ся при явити